

Вот уже почти три месяца Антон валяется по госпиталям. Во время боевых действий в Чечне его смело взрывной волной с брони БМП, и он получил тяжелейшие ранения. Сначала ему вправляли выбитые позвонки на Кавказе, затем резали роговицу и прикрепляли сетчатку в Федоровской глазной клинике в Москве, теперь Маньшин долечивает позвоночник в подмосковном Красногорске в госпитале им. Вишневецкого.

Когда я вошел в палату, Антон дочитывал молитву:

- Спаси, Господи, сохрани и помилуй всех православных воинов, проходящих службу в Чеченской Республике в 207-й коммандантской тактической группировке на заставах: Месхетинской, Аллеройской, Центаройской, Курчалойской, Автуринской, Бамутской, Введенской, Тумкалинской и 42-й дивизии, дислоцирующейся в городе Ханкала...

Затем, в молитве за умерших, Антон прочитал длинный список воинов, павших на поле брани, помянул погибших во всех терактах последних лет.

Глядя на него, искудавшего, с прищуренными красноватыми глазами, я позволил себе выразить сочувствие. А он в ответ рассмеялся. «Мне теперь ничего не страшно», - сказал. Теперь - это жизнь, которая у Антона началась после того, как он стал ощущать себя православным человеком.

Таких, как он, среди российских солдат, воюющих в Чечне, немало. Тема эта деликатная, и мало кто из военных готов выставлять свою духовную жизнь напоказ. Антон не исключение. Он лишь согласился рассказать о нескольких эпизодах из трагической чеченской кампании, в которых победа оказалась вопреки всему не за силой, а за верой.

НА КРЕСТЕ

Конец января 1995-го. Большая часть Грозного уже была под контролем наших войск. Только 15-й микрорайон да площадь Минутка оставались в руках боевиков.

Поступил приказ разгрести с площади железнодорожного вокзала подбитую технику. Первым туда добрался штурмовой взвод лейтенанта Маньшина. Перед бойцами предстала жуткая картина: то, что раньше было боевой техникой, превратилось в груду почерневшего и искореженного металла. Стоял запах паленого мяса. К небу поднималась черная гарь.

Когда подъехали поближе, всех объял ужас. На трех столбах линии электропередачи были распяты солдаты.

Можно, увидев это, не озлиться на всех чеченцев? «Можно», - говорит Маньшин.

СОЛНЫШКО

- В феврале 95-го, когда мы вышли из Грозного, - вспоминает Антон, - мой взвод пошел в засаду у селения Гикаловское. Бой шел минут пятнадцать. Моя машина шла первой и остановилась, чтобы выжить огонь в позиции противника. Две другие машины развернулись на боевую линию и также принялись вести огонь.

После того как чеченцы драпанули от нас на двух КамАЗах, я принялся считать своих бойцов. Не хватало Саши Сабешкина, механика-водителя. Лысенский такой, с белянским пушком на голове. Мы его звали Солнышко. Он постоянно носил в кармане у сердца широкий металлический крест. Время от времени вынимал и крестил им свою машину. Некоторым это казалось смешным. Но машина так никогда и не была подбита.

Тут ко мне подбегает солдат: «Товарищ лейтенант, там Саню ранило». Рванул я туда, смотрю: Солнышко сидит на корточках, держится за живот и ревет навзрыд. Я подумал, что он ранен, и сильно перепугался: за два месяца грозненских боев десять бойцов потерял. А ранение в живот может привести к летальному исходу. Вдруг вижу: в руках он держит крест, а в середине распятия торчит пуля. И понимаю: крест его спас.

После этого случая Солнышко очень изменился. Раньше он любил и пошутить, и пошутить. Теперь стал молчалив. Когда вошли в Шали, часто уходил один в горы, что было очень опасно. Но он не боялся... Сашу представили к награде, к чему он отнесся совершенно равнодушно. Уволился. Сейчас он монах по имени Адриан в Тихоно-Луховском монастыре, что в Ивановской области.

РАБ БОЖИЙ АНДРЕЙ

В марте 95-го разведгруппа старшего лейтенанта Маньшина действует в горах в районе Шали. Нашли одну из крупных баз боевиков. Взяли пленных. Один из них - Иса Малиев, помощник полевого командира. Другой - рядовой боец. Впоследствии его пришлось ликвидировать при попытке к бегству. Ису Малиева таскали вместе с со-

бой по горам. Чеченец был настроен весьма агрессивно. Обещал, если останется жить, всем головы поотрезать. Продолжалось это, правда, дня два. На третий, когда наконец появилась возможность привала, бойцы посадили его рядом у костра, накормили, поделившись последним, и принялись травить анекдоты.

На исходе четвертых суток при подходе к российской базе Антон отвел в сторону Ису и развязал ему руки.

- Иди, Иса, я тебя отпускаю. Только смотри, оружие в руки больше не бери. Если тебя в следующий раз поймаю - убью, прямо говорю.

рью, вышибает ее ногой, делает прострел в коридор из автомата и распахивает дверь в комнату... Тут «чех» от оконного проема всаживает ему в лицо автоматную очередь. Николай падает. Вбегают два солдата, подстреливают «чеха», думая, что Коля все еще прячется от пуль, принимаются его пинать со словами: «Ты чего разлегся? Вставай! Обалдел, что ли?!» А он лежит, держась руками за голову, и спрашивает: «Ребята, что у меня с головой?» А голова чистая. «Да ничего, крыша у тебя поехала!» - отвечают со смехом бойцы.

Вечером сержант Никифоров подошел к Антону:

«Батюшка, дайте крестик! Батюшка, дайте иконку! Помолитесь за меня! Покрестите меня!»

Слезы текут по щекам священника. В его руках - пакетик с иконочками и крестиками, которые он раздает. Это был отец Савва Молчанов, священник из отдела по взаимодействию с Вооруженными силами Московской патриархии.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

На следующий день предстояли тяжелые бои. Отец Савва просил офицеров взять его на поле сражения, но те решили не подвер-

МОЛИТВА СТАРЦА

Ранение оказалось серьезным: пуля осталась в пяти миллиметрах от сердца. В военном госпитале в Ростове-на-Дону ему принесли телефонную трубку: дозвонилась мама.

- Антон, что с тобой?
- Свалился по глупости с БМП, ногу сломал.

- Ты не шути, хватит, приезжай домой, навоевался.

- Мам, ты меня прости, но я должен быть вместе со своими бойцами.

- А ты знаешь, что батюшка Федор Соколов погиб? Давай, приезжай!

Для Антона это сообщение стало шоком.
- Мама, когда он погиб?

- В ночь с 21 на 22 февраля.

В это время отец Федор и приснился ему накануне штурма Грозного, который закончился без потерь в полку. Антон едва успел сопоставить в своем сознании этот факт, как ушел в кому. Пять месяцев провел без сознания, лежал в четырех госпиталях, и везде врачи опускали руки: «Либо пересадка сердца, либо - смерть».

И тогда Антона повезли в Оптину пустынь, в скит старца Илии, что в нескольких километрах от монастыря.

Старец Илия помолился над ним, три раза прочитал молитву «Да воскреснет Бог», и Антон открыл глаза. Помнит, как он при этом удивился. В апреле, когда закрывал глаза, почки на растениях только набухали. А открыл в сентябре - желтые листья, синее небо... Подумал, что, наверное, в раю.

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВ

С Константином Васильевым Антон познакомился во время учебы в военном университете. Их сблизило трепетное отношение к вере. Оба увлекались боевыми искусствами, только Антон восточными единоборствами, а Константин был тренером-инструктором по русскому стилю Кадочникова. Еще у обоих не сложилась личная жизнь: развелись, от первого брака остались дочурки. У Константина, правда, к тому времени появилась невеста Галина. И он все обещал познакомиться с ней своего друга.

Антон и Галина познакомилась на похоронах Константина...

В тот вечер, 23 октября 2002 года, подполковник юстиции Константин Васильев задержался на работе. Домой возвращался поздно, как всегда, в форме. Шел мимо площади, на которой расположен театральный центр на Дубровке. Увидел, как из здания театрального центра выбежала женщина и закричала, что в здании - люди в масках и они стреляют. Кордонов к тому времени еще не выставили. Константин прошел в здание. Там его встретили бордаты с автоматами. Он предьявил удостоверение Управления департамента военных судов и сказал: «Я представитель власти. Отпустите детей, я остаюсь в заложниках вместо них».

Константин не мог не знать, что для чеченцев человек в военной форме, как красная тряпка для быка. Они начали издеваться над ним: тыкать в лицо стволом автомата, срывать погоны. И тогда он бросился биться с ними врукопашную. В борьбе с тремя чеченцами он почти выхватил у одного из них автомат. Двое других попытались оглушить его прикладами, а когда поняли, что могут не одолеть, принялись стрелять. Даже раненый, получив пять пуль, Васильев продолжал с ними биться. Последнее, шестое, ранение в голову оказалось смертельным.

Это был первый погибший «Норд-Оста», констатировали потом медэксперты. А нашли его 27 октября самым последним: чеченцы сбросили его тело в подвал, где он пролежал четверо суток.

- Следователи рассказали, - вспоминает Антон, - что, когда нашли его тело, в полуметре от него рысало множество крыс. Я в Чечне наблюдал крив и знаю, как эти твари обгладывают мертвые тела. Но до него они не дотронулись...

Когда Константина хоронили, то белый покров с молитвами сполз, и все увидели, что левая рука с разбитыми костяшками пальцев сжата в кулак, а правая застыла в троеперстии.

Государственные мужи, отметившие боевыми наградами спешазовцев, штурмовавших театральный центр, в упор не заметили беспримерный подвиг подполковника Васильева.

Антон отъезжал на родину Кости, в Саров, свой орден Мужества. Отдал его маме Константина, Надежде Степановне, сказал, что его более достоин награды, чем он.

P.S. Недавно Антон Маньшин закончил лечение в госпитале и вернулся к месту службы - в Чечню.

Андрей ПОЛЫНСКИЙ

ВЕРА ТВОЯ СПАСЛА ТЕБЯ

Где Бог, когда свистят пули, грохочут пушки, гибнут люди?.. «Он всегда рядом», - убежден майор Антон Маньшин.

- Товарищ капитан, верьте или нет: пули попали в лоб и от ricochetили...

Капитан Маньшин попросил показать место происшествия.

- Разыскали ту пятиэтажку, поднимаемся на третий этаж, - рассказывает Антон. - Коля указал, где был «чех» и где он сам. А по закону баллистики и гидродинамики пуля, соприкоснувшись с предметом под углом, ricochetит в правую сторону. Соответственно, в правой стене, на высоте его головы, должны остаться - что? - следы от пули. Поднимаю голову вправо от его лба, перевожу взгляд к стене - и в ужасе! На уровне лба действительно три отметки от пули на расстоянии восьми сантиметров друг от друга!

Сержант Николай Никифоров закончил Чечню с орденом и уехал в родную деревню в Костромской области.

ОТЕЦ САВВА

После взятия Грозного поздравить 15-й мотострелковый полк приехал генерал Шамапов. Он построил бойцов и говорит: «Молодцы, задачу выполнили. Однако такого опыта, как у вашего полка, в группировке нет. Поэтому решением Генерального штаба полк не выводится в Россию, а остается здесь. Вы идете на штурм Шатоя в горы».

Бойцы, конечно, расстроились. Но приказ есть приказ. Через два дня полк строится в колонну и... начинает двигаться по направлению к Дагестану. Это была имитация вывода войск в Россию. Им предстояло выйти в Ботлиж, ночью развернуться и по горам идти в Шатой.

На обратном пути полк остановился в селе Октябрьское, что в 20 километрах от Грозного. Здесь его доукомплектовали техникой и снаряжением и дали сутки на отдых.

- Сидим мы, оружие чистим, - рассказывает Антон. - Слышим - вертолет сел неподалеку. Решили, видимо, чин какой-то прилетел из группировки, опять нелепые приказы станут отдавать. Минут через пять к нам приближается толпа человек в сто. К ней стекаются бойцы и офицеры. Толпа прямо на глазах увеличивается - вдвое, втрое... И движется к нашему батальону. На ходу собираю автомат, подбегаю, сквозь толпу пробираюсь и вижу... священника, к которому тянут руки все человек 300 и про-